

Нина Александровна Аронова

Лев Ильич Аронов - штрихи к портрету

В квартире у нас, кроме этюдов, висящих на стенах, сегодня вдоль стен стопками стоят работы Льва Ильича, снятые с антресолей. Положено начало подготовки юбилейной выставки художника Л.И. Аронова, отца моего мужа, Вадима Львовича. Родился Лев Ильич десятого июля 1909 года - столетний юбилей в 2009 году. Сегодня Вадим сортирует работы по тематике, степени сохранности и так далее...

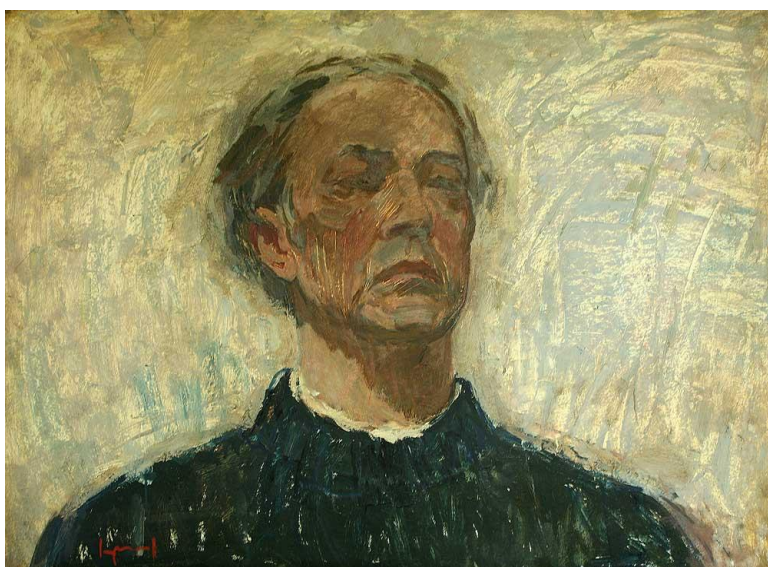
Я задерживаю в руках «Автопортрет» 1966 года. Мне представляется, что его место на предполагаемой выставке - в начале экспозиции, на мольберте, а рядом я бы положила палитру Льва Ильича, она у нас сохранилась, вся в разноцветных мазках масляных красок.

Нина Александровна Аронова, 1950-е

Взгляд художника свидетельствует о предельной самоотдаче творческому процессу, - взгляд взыскательный, строгий по отношению к себе.

Но прямая осанка, горделиво, почти как у Мандельштама, поднятая голова - говорят мне о том, что художник уверен в своей талантливости, верности своему пути в искусстве, несмотря ни на какие обстоятельства. Обстоятельства-то были всегда непростыми, как и для любого творческого человека.

Лев Аронов. Автопортрет, 1965

Поступательное развитие таланта самобытного художника, участие в художественных выставках довоенного времени, признание в художественной и зрительской среде были прерваны обрушившейся на страну войной 1941 - 1945 годов. Надежды на полноценное возвращение в строй, к любимой работе, на улучшение качества жизни семьи, вернувшейся из эвакуации, не оправдались...

Поистине трагическими для художника и его семьи были послевоенные годы.

В приснопамятном 1948 году после Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и выступления тов. А. Жданова с травлей А. Ахматовой и М. Зощенко началась вакханалия борьбы за «идейную чистоту» в литературе и искусстве.

Прокатилась (и долго ещё катилась!) волна митингов и собраний, на которых выявлялись, якобы «инакомыслящие»: «космополиты», формалисты (в музыке, например, композиторы Шостакович и Прокофьев)...

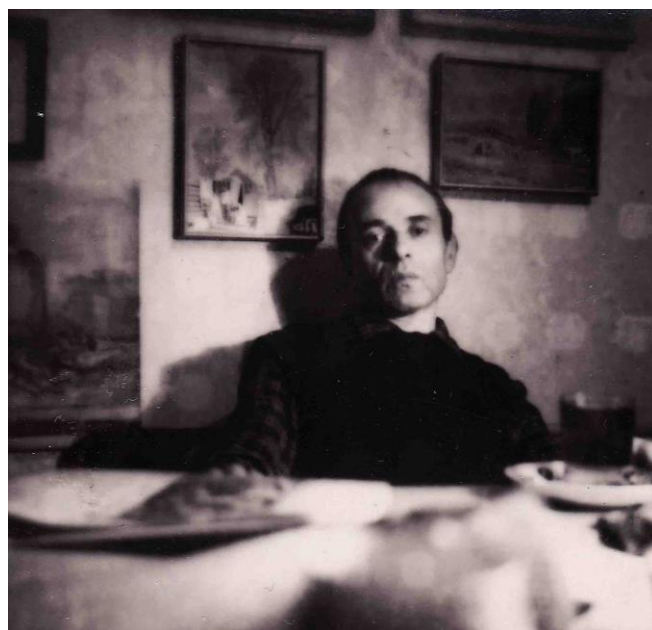
По моим наблюдениям, в пятидесятые годы активизировался не признаваемый официально, но существующий фактически антисемитизм...

И горе тому, на кого падал жребий быть очередной «притчей во языцех»!

Была свидетельницей и до сих пор не могу без боли вспоминать, какой травле подвергался на филфаке МОПИ наш лучший преподаватель Н.М. Чирков за признание гениями философа Платона и Ф.М. Достоевского. Умер Николай Максимович в институте от инфаркта после очередного «всенародного» порицания...

На идеологических собраниях художников в лице Аронова Л.И. нашли «козла отпущения» и приклеили ярлык «злоствующего эстета». Смирнейшего и неизменно доброжелательного человека, каким был в сущности своей Лев Ильич, обвинить в «злоствовании» - чудовищная несправедливость и нелепость!

А, между прочим, «злоствующий эстет» по зову совести и сердца в первых рядах добровольцев вступил в ряды народного ополчения, оставив жену с двумя маленькими детьми. Об этом критиканы постарались забыть. Слава Богу, что лжепатриоты с партбилетами не занесли его в категорию «врага народа», времена-то были жестокие...

Лев Аронов, конец 1940-х

Для самого Льва Ильича и его семьи эта травля имела серьёзные последствия. Фактически, талантливый художник оказался изгоем, лишённым заработка, со всеми моральными и материальными последствиями этого обстоятельства.

К тому же бытовые условия были неблагоприятными: семья изначально ютилась в одной комнате - трое взрослых и двое детей. Ситуация усложнялась тем, что здесь же было и рабочее место для художника, его «цех» и «станок». Нужно было в этой тесноте расположиться с мольбертом, красками, растворителем. В этой обстановке подрастали дети, запах скипидара и масляных красок сопутствовал им с пелёнок. О мастерской в то время не приходилось и мечтать... Как и любой представитель творческой профессии, художник нуждался не только в некотором свободном пространстве, но и в необходимости иметь возможность уединения, чтобы сосредоточиться на поисках решения творческих задач. Для меня остаётся загадкой, как удавалось Льву Ильичу создавать в таких условиях необыкновенно тонкие, лирические и глубокие по замыслу полотна.

Лев Аронов. Весеннее утро. Умиравший раб, 1938

Примером такой живописи можно назвать работу, изображающую копию «Умиравшего раба» Микеланджело, стоявшую в Парке имени Горького.

Хочу поделиться своим восприятием этой работы: весна в Москве, нежно зеленеет распутившаяся листва деревьев, по голубеющему небу плывут лёгкие облачка, сквозь стволы деревьев просвечивает розовеющая даль, за постаментом памятника угадываются бутоны ранних цветов. В центре картины - скульптурное изображение умирающего юноши, голова безжизненно склонилась к плечу, ноги слегка подогнулись. На скульптуру падает тень от деревьев, поэтому она написана холодным серым цветом, только на плече, ступне и небольшое пятно на постаменте - белые от бликов света. Фигура юноши резко контрастирует с гармоничным светлым фоном, вызывая острое чувство печали: молодая жизнь обрывается в неволе, в разлуке с родиной и семьёй. Мир жесток и несправедлив, как и в канувшие в Лету времена Римской империи... Год 1938-ой.

Вновь возвращаюсь к месту жительства семьи Льва Ильича. Замоскворечье, 1-й Казачий переулок. Дом старый, до Революции в нём купцы селили своих приказчиков и прислугу, позднее он был превращён в типичную коммуналку с уплотнённым населением. Вот какой я её увидела в начале шестидесятых годов.

В шести небольших комнатах проживало около 30 человек, на всё народонаселение был один кран с холодной водой, горячей не было и не предвиделось, один туалет. Газ подвели, но количества горелок не хватало, керогазы на кухонных столах еще бытовали, пекли на них пироги в специальных посудинах из алюминия. Утром у всех объектов жизнеобеспечения атмосфера накалялась: очереди. Уходили на работу трудящиеся соседи приблизительно в одно время.

Наиболее скандальная соседка Комаревская обрушивала на меня потоки матерной брани и злобных пожеланий: мне необходимо было кипятить пелёнки и греть кастрюлю воды для ежевечернего купания новорожденной дочки, плита была у нас с ней общая. В минуты затишья и хрупкого перемирия она призналась, что у неё скверное настроение и даже плохое самочувствие, если она с утра кого-нибудь не облает.

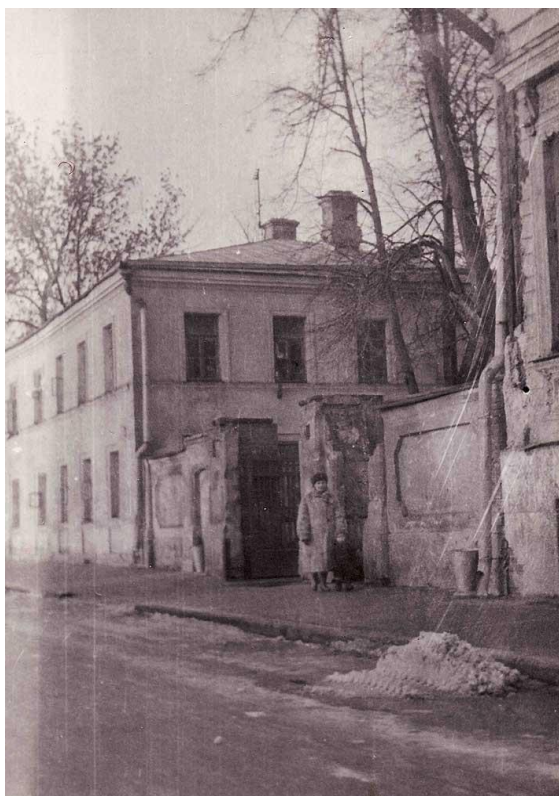
В таком сообществе семья Ароновых прожила более тридцати лет. Более других соседей страдали от кухонных конфликтов жена Льва Ильича, Валентина Ивановна, и её мать, Евгения Николаевна: «отлаяться» они не были способны «по понятиям», как теперь говорят.

Спасение было за дверью своей комнаты - пограничный кордон между теми, кого «испортил квартирный вопрос» (определение М. Булгакова), и семьёй, олицетворяющей российскую интеллигенцию.

Помню своё первое впечатление от комнаты на Казачьем переулке в 50 году. На стенах этюды и картины Льва Ильича, запомнился и этюд друга Льва Ильича, художника Зевина, погибшего в ополчении под Ржевом.

В простенках между окнами - репродукция портрета А.С. Пушкина, живописная копия с картины Коро «Старинный замок», сделал её Лев Ильич, возможно, ещё в студенческие годы, над ней - модель парусника, работа Вадима. Этот парусник запал мне в душу, в него я влюбилась раньше, чем в его создателя. Кстати, детей Льва Ильича в тот день дома не было, а наш с моей тетей Антониной Петровной Берестовой визит был непродолжительным. В семье все были активными читателями. Почётное место в комнате занимал книжный шкаф, не с собраниями сочинений для показухи, а с любимыми книгами.

Валентина Ивановна и Евгения Николаевна могли читать французских авторов в подлиннике. Валентина Ивановна обладала феноменальной памятью на сложные сюжетные композиции литературных произведений. Вадим Львович вспоминает, что в годы эвакуации на Урале мать им с сестрой заменяла библиотеку, по вечерам пересказывая содержание романов А. Дюма, Ж. Верна, В. Скотта и других авторов.

Москва, 1-ый Казачий переулок, дом 6,
Дом, в котором жила семья Ароновых

Валентина Ивановна Александрова,
жена Льва Аронова

Мне представляется, что Льва Ильича больше привлекала поэзия. У нас сохранились его замечательные рисунки и живописные работы на тему стихотворения Сергея Есенина, начинающегося словами: «Утром в ржаной закуте...». Они не были заказными работами, создавались для души как отклик на стихи любимого поэта. С другой стороны, грустные лирические, осенние пейзажи художника вызывают в памяти строфы поэта:

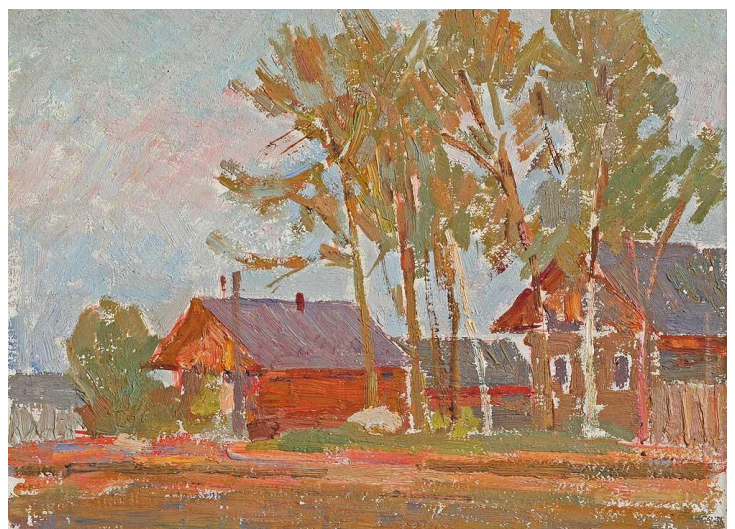
«Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось»...

Неброские пейзажи Льва Ильича не сразу открывают неискущённому зрителю свой сокровенный смысл, с ними надо пообщаться, чтобы почувствовать их тонкий лиризм, понять, сколько в скромной российской природе трепетного очарования.

Лев Ильич как-то признался, что природу России он любит «... до щемоты сердечной». Точнее и не скажешь! Чувство глубокое, пронзительное - так можно любить очень дорогое для тебя живое существо...

Сын Льва Ильича особенно ценит те этюды, где ощущается отношение художника к природе с некоторым очеловечением её. Один такой этюд Вадим назвал «дом с глазами»: из-за дерева выглядывает небольшой деревенский домик с двумя окошечками, небольшое пространство между ними заслонил ствол дерева, пейзаж мягко освещён закатным солнцем. Вы смотрите на дом, но создаётся впечатление, что и избушка с любопытством разглядывает зрителя своими окошечками-глазами.

Лев Аронов. Солнечный этюд, 1960-1968

Есть этюды, где купы деревьев написаны обобщённо, они расположены так, что кажется, будто деревья взаимодействуют друг с другом.

Лев Ильич был редкостным трудоголиком: выходных дней, тем более отпусков у него фактически не было. Случайно у меня сохранилась поздравительная открытка от друзей Льва Ильича, они перечисляют пожелания, обычные в таких случаях, но есть и такое: «Милый Лёвушка, оставайся таким, каким мы тебя любим. Счастья мы тебе не желаем: К. Ушинский уверяет, что оно - в труде, а большего труженика, чем ты, мы не знаем»...

А сколько времени и сил отдано походам с этюдником в поисках «натуры», сколько тропинок прошёл пешком! Можно было бы составить карту его маршрутов: Калмыкия, Украина, Крым, Северный Кавказ, Дальний Восток, северные области России, Подмосковье же исхожено вдоль и поперёк.

Лев Аронов

Из поездок Лев Ильич возвращался не только с массой этюдов и рисунков, но и с впечатлениями от быта, этнографических особенностей региона и происшествий, иногда забавных. Запомнились мне такие эпизоды из рассказов путешественника. В небольшой деревеньке два мальчика лет четырёх - пяти на глазах у Льва Ильича вывалялись в грязной луже, на вопрос, зачем они залезли в лужу, отвечают, что они играют: «Мы пьяные музыки»; обнялись и потопали дальше, шатаясь, - из образа ещё не вышли -

артисты, что видят (досадное и грустное обстоятельство!), то и изображают (таланливо!).

Другой эпизод произошёл на этюдах в Архангельской области. По тропе мимо Льва Ильича бредут измученные дальним переходом, комарами и мошкаррой туристы, шествие замыкает отставший парнишка, еле ноги передвигает, а на спине - огромный рюкзак с надписью большими буквами: «ГОСПОДИ! КАК ХОРОШО!»

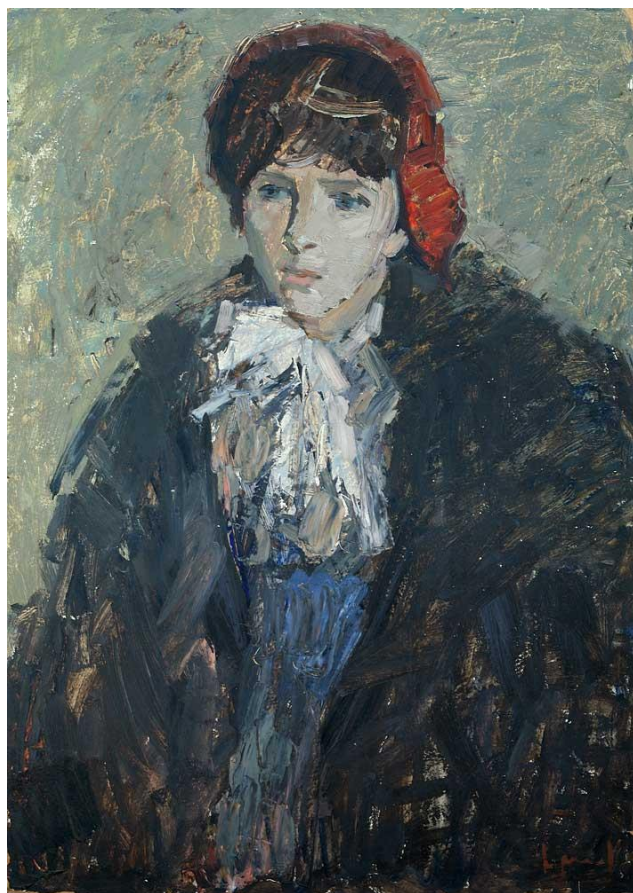
Не могу назвать Льва Ильича жизнерадостным и весёлым человеком, но чувство юмора ему было присуще, при встрече мы обменивались с ним новым анекдотом или смешной историей. Надо отметить, что анекдоты пятидесятых - семидесятых годов были значительно острее и занимательнее теперешних: все журналы и газеты в «юморе» ниже пояса...

В творческом наследии художника значительную часть составляют портреты. Этому абзацу я хочу предпослать слова поэта Николая Заболоцкого:

«Любите живопись, поэты!
Ведь ей, единственной, дано
Души незримые приметы
Перенести на полотно».

Богатство духовного мира человека, его самобытность не зависит от степени образованности модели, социального положения и внешних данных, для художника интересен и утончённый интеллигент, и простой труженик «от сохи», как говорится. Чтобы ярче выявить «души незримые приметы», Аронов Л.И. использует весь арсенал живописных средств: композиция, колорит, светотени, фон, иногда даже некоторая незавершённость портрета - всё работает на образ.

Лев Аронов. Девочка в черной шубке, 1960

На выставке Л.И. Аронова 1973 года мне запомнились три женских портрета, расположенных в одном ряду. Слева был помещён портрет девочки 5-7 лет. Лицо девочки спокойно, голубые яркие глаза широко распахнуты, белокурые волосы слегка волнисты. Платье и фон - различные оттенки от голубого до синего цвета. Обращаю внимание на фон портрета - ничего лишнего, только вибрирующий цвет. Мазки положены сплошными вертикальными линиями. Общее впечатление от портрета - покой и гармония. Рядом - портрет, названный автором «Девочка в чёрной шубке», она уже вышла из безмятежного детского возраста, скорее всего ей лет 14-15, подросток. Взгляд напряжённый, брови слегка сдвинуты, на лицо легла тень каких-то забот, на голове ярко-красная шапочка. Это красное пятно тоже вносит тревожащий отзвук, хотя смотрится красиво. На плечи накинута чёрная шуба, она громоздка, тяжеловата для девочки - такое у меня впечатление. Шуба обозначена крупными редкими мазками, расположенными хаотично. Фон очень беспокойный. В целом - картина сложного подросткового возраста: первые разочарования, смятение, неуверенность в себе.

Лев Аронов. Женщины Подмосквья. Вариант, 1960

Третий портрет - пятидесятилетняя дама, Н.К. Туфеско. Портрет был после выставки подарен Наталье Константиновне, фотографии с него нет. В памяти осталось впечатление спокойной зрелости, женщина красива, хорошо причёсана, она в классическом чёрном платье с небольшим декольте. Фон, насколько я помню, написан ровным слоем, как на старинных портретах.

Одной из моих любимых работ Льва Ильича является большое полотно, которое он назвал «Женщины Подмосквья». У нас сохранился один вариант с группой сельских женщин разного возраста, сидящих на лавочке под рябиной, её плоды пламенеют на фоне ясного неба. Слева, повернувшись к собеседницам, стоит молодая беременная женщина, (позировала я в ожидании первенца) она спокойна, на лавочке сидят две девушки, на другом конце лавки примостилась женщина средних лет, за плечи её обнимает девчушка лет десяти. Женщина крепко обняла девочку, но лицо её заинтересованно обращено в сторону собеседниц.

В центре композиции - старая женщина, труженица, она пришла посидеть в этом чирикающем «птичнике», отдохнуть от домашних дел, даже передник не сняла. Руки её опущены на колени, фигура согбенно наклонена. Она с соседками, но замкнута в своём мире, очевидно - далеко не оптимистичном... Таково моё, конечно же, субъективное понимание этой картины.

Не могу не поделиться впечатлением от этюдов, которые вызывают у меня пронзительное сопереживание. Комната семьи художника: жена, дети, бабушка - сидят за столом, стоящим у окон.

Свет настольной лампы мягко освещает стол и лица сидящих. Впечатление уюта и покоя. Окна не зашторены, а за ними - СИНИЕ сумерки. В Москве теперь, по моим наблюдениям, таких прозрачных синих сумерек не увидишь, а у меня - ностальгия по ним: в детстве я, сидя у окна, любила наблюдать за наступлением сумерек, до появления на темнеющем небе первых звёзд.

Лев Аронов. Зимний вечер. Деревня со светлым окном, 1956

Есть у Льва Ильича несколько работ на полюбившийся ему сюжет: зимняя ночь, деревенские домишки, занесённые снегом, безмолвие и безлюдье. Светится только одно окно на окраине деревни. Ассоциация в поэзии, напомнившая мне деревеньки художника:

«Зажглось и светится окно,
И путник поспешает к дому,
Так, как навеки суждено
Окну и путнику ночному».
Кайсын Кулиев «Вечер в горах».

Саша (внук), может быть, и «ни к селу, ни к городу», но хочу рассказать тебе историю, связанную с портретом писателя Григория Анисимовича Федосеева, портрет этот хранится у нас. Однажды Лев

Лев Аронов. Портрет писателя Григория Федосеева, 1966

Ильич рассказал, что, работая над серией портретов писателей в Доме творчества, он обратил внимание на скромного, нетипичного для писательской среды того времени, человека, стал с интересом работать над его портретом, во время сеансов позирования разговорились. Выяснилось, что Григорий Анисимович по основной своей профессии - геодезист. Он руководил экспедициями по ликвидации последних «белых» пятен на территории СССР, в труднодоступных точках Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Во время походов Г.А. Федосеев вёл дневниковые записи, в них отразились и сложности маршрутов, и подвиги, и предательства - всего хватало. На основе этих дневников Г. Федосеев написал ряд книг, они были изданы, некоторые из них были мне уже знакомы: «Смерть меня подождёт», «Мы идём по Джугдыру» (в последующем издании - по Восточному Саяну). Моим местом работы была библиотека при Центральной Республиканской больнице МЗ РСФСР. Молодёжь особенно ценила первую книгу: (есть с кого брать пример - таков был

читательский отзыв). Незадолго до встречи Льва Ильича с писателем библиотека пополнилась одним экземпляром Роман-газеты с повестью «Злой дух Ямбуя», на эту повесть в библиотеке образовалась большая очередь, зачитали до дыр. Интерес к писателю среди моих читателей удалось «раскрутить» благодаря сведениям о Григории Анисимовиче от Льва Ильича. Латала же я этот экземпляр лейкопластырем и бинтами: денег на переплётные работы нам не выделяли. В результате «Злой дух ...»

выглядел как раненый боец в полевом госпитале. В таком виде он был представлен на заседании в издательстве «Художественная литература» как свидетельство своей популярности у читателей.

Дело в том, что в ЦРБ лежал в это время с инфарктом руководящий работник этого издательства. Он поделился со мной своей озабоченностью: нужно было срочно издать автора, пишущего о Дальнем Востоке (в связи с возникшими пограничными конфликтами и претензиями Китая). Желательно было малоизвестное имя, довод был таков: В. Арсеньев, Н. Задорнов читателям хорошо известны, новое издание не привлечёт внимания, Анатолия Степанова («Вечный зов» и другие произведения) издавали и переиздавали огромными тиражами. В результате мой экземпляр «Роман-газеты» была продемонстрирована на заседании в издательстве в качестве аргумента в пользу читательского спроса. Несколькими месяцами позже, получив для библиотеки новое издание Г.А. Федосеева в трёх томах, я была удовлетворена. Портрет же, созданный художником, надо полагать, не был востребован официальным заказчиком (Союз писателей). Глаза у Григория Анисимовича на портрете - с грустинкой. Для галереи представителей соцреализма такими глазами смотреть на окружающий мир не полагалось...

Попробую наметить некоторые штрихи к портрету Льва Ильича. Предельная краткость биографических сведений, отсутствие живых черт его личности - меня огорчают. К сожалению, конкретных фактов у меня тоже немного, но не хотелось бы, чтобы и это немного, что осталось в памяти, ушло в небытие...

Запомнилось первое мимолётное впечатление. Конец июля 1948 года. Я только что приехала с Дальнего Востока поступать в ВУЗ, нахожусь у тёти. Несоответствие в часовых поясах и усталость после длительной дороги свалили меня в сон среди бела дня. На мгновение просыпаюсь. За столом беседует с Антониной худой темноволосый мужчина в белом полотняном костюме, темно-карие глаза его печальны, рядом с ним красивый юноша. Моя попытка оторвать голову от подушки не увенчалась успехом, я снова крепко заснула. Минует семь лет, и юноша станет моим мужем, а Лев Ильич - свёкром.

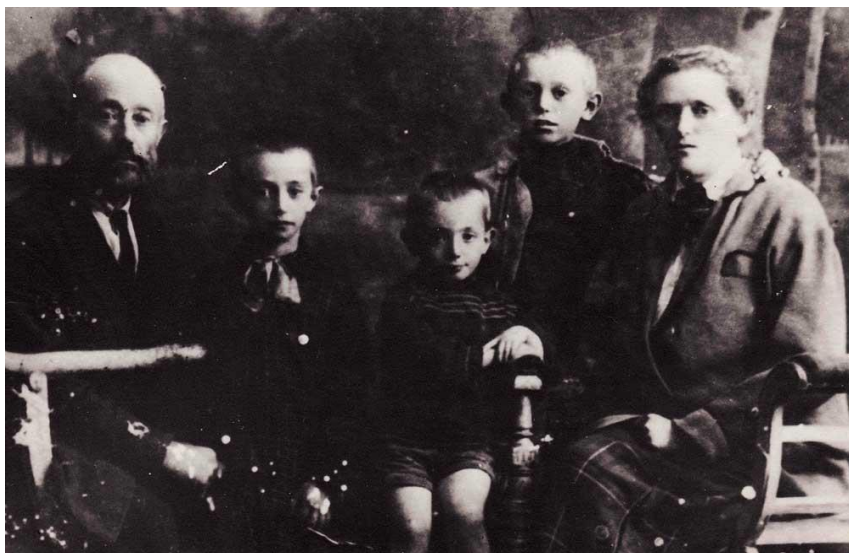

Преподаватель Льва Аронова
Петр Михайлович Кияновский, 1924

Вскоре, уезжая на лечение в больницу, Антонина напутствовала меня: «Если со мной что-нибудь случится, сохрани картины. Аронов и Прокошев - очень талантливы, они ещё не оценены по достоинству».

Однажды я задала Льву Ильичу интересующий меня вопрос, какие обстоятельства помогли ему определиться с выбором профессии. Лев Ильич ответил, что ему повезло со школьным учителем рисования, настоящим профессионалом и не равнодушным человеком. Заметив способности мальчика, он уделял ему много внимания, развивал его природное дарование. Подходил к концу учебный год выпускного 7-го класса. Наставник убедил своего питомца, что ему нужно серьёзно учиться, овладеть профессией художника, посоветовал поступать в Ленинградское Художественное Училище. Но категорически против этого решения был отец, человек волевой и деспотичный. Он работал железнодорожным рабочим в Речном порту, уважал свою профессию, а какое-то там «художество» считал блажью. Скромному, застенчивому подростку очень непросто было противостоять авторитету и воле отца. Отец предупредил Лёву: «Ослушаешься - помощи от меня не жди, ни копейки не получишь»!

Семья Ароновых, Лев - третий слева, 1910-е

Четырнадцатилетним подростком Лёва принимает решение уйти из родительского дома без благословения и рассчитывать только на себя - такова была сила призвания...

В 1925 году он стал студентом живописно-декоративного отделения Ленинградского художественно-промышленного техникума, созданного на основе «Училища поощрения художеств», снискавшего в предшествующие

годы заслуженный авторитет. Преподавали в Училище выдающиеся художники: Рылов, Сварог, Вахромеев, Бобышев, Щуко.

Процесс освоения профессиональных тонкостей и навыков увлекал студента, посещение музеев расширяло кругозор, живописные полотна мастеров оставляли глубокий эмоциональный след в душе впечатлительного юноши. Город-музей, с его красотой и гармонией, стремительно развивал эстетическое мировоззрение и культурный уровень будущего художника. Эти обстоятельства помогали преодолевать бытовые невзгоды. Отец своё обещание выполнил, маленькой стипендии не хватало на жизнь. Какие-то небольшие заработки давали частные уроки рисования, но они были эпизодическими. Лев Ильич вспоминал, что он с однокурсниками по ночам работал грузчиком на товарной железнодорожной станции, когда приходилось туго. А был он от природы невысок ростом, худощав - не богатырь, одним словом...

Думаю, что надо понять и отца Льва Ильича: семья была большая, многодетная, отцу надо было поднимать ещё четырёх младших детей. Вероятно, он надеялся, что Лёва будет ему помощником в семье, устроится на работу, семья жила в бедности. В помощи он сыну отказал не только потому, чтобы показать, «кто в доме - хозяин», он был жёстким человеком, по воспоминаниям его детей, но не жестоким, а денег на содержание семьи катастрофически не хватало.

Мать Лёвы и его сестры Лизы умерла, когда дети были ещё в дошкольном возрасте. Отец женился на вдове с двумя детьми, они были постарше Лёвы. От брака с мачехой у отца прибавилось трое малышей: Ефим, Сима и Борис. Вот такая непростая сложилась семейная ситуация. Десятилетия спустя, Ефим вспоминал: «Когда мама пришла в дом к отцу, взору её предстали двое маленьких

Лев Аронов с сестрами, конец 1910-х

сирот (Лёва и Лиза), молчаливых, скромных, угнетённых смертью матери, не ухоженных и боявшихся отца». Детям с мачехой повезло, она их жалела и обращалась с ними более ласково, чем со своими ребятишками - редкий случай.

С мачехой Льва Ильича, «тётей Пашей», как её звали в семье Льва Ильича, у меня была единственная встреча в 55-ом году. Жила она в Перово в сельском домике со старшей дочерью Фаиной (от первого брака). Была Полина Наумовна уже в старческом возрасте, но сохранила ясность ума, была приветлива и доброжелательна, общалась с Валентиной Ивановной и со мной охотно. Произвела впечатление мудрого и доброжелательного человека. Большой заслугой тёти Паши считаю то, что ей удалось в трудных бытовых условиях сплотить разновозрастный и генетически неоднородный коллектив детей в дружную семью, где «старшие заботились о младших, а младшие - о маленьких» (цитирую «Воспоминания» Е.И. Аронова). Сердечные отношения они сохранили и во взрослом состоянии, любили и уважали друг друга.

Ефим Ильич Аронов, 1940-е

Брат Льва Ильича Ефим - личность, можно сказать, легендарная. В боях и походах в качестве военфельдшера он уже с 1939 года (Западная Белоруссия), затем - участник Великой Отечественной войны в рядах 29-го Кавалерийского полка, получившего звание Гвардейского. У него 25 воинских наград, в составе Казачьего полка под командованием генерала Плиева он был участником Парада Победы в 1945 году. В послевоенные годы учился в Ленинградской Военно-медицинской Академии. С дипломом врача был по распределению направлен для прохождения службы в Пограничных войсках Дальнего Востока. После демобилизации работал в службе Скорой помощи при 1-ой Градской больнице. Е.И. Аронов награждён Орденом Дружбы народов за большой вклад в миротворческую деятельность. С Ефимом мы встречались чаще, чем с другими братьями Льва Ильича.

Внешне Лев и Ефим были разительно не похожи. Лев - брюнет, Ефим - светловолос и сероглаз, первый - невысок ростом и худощав, второй - на голову выше старшего брата и значительно объёмистее: широколиц, широкоплеч, широкая натура: душа любой компании.

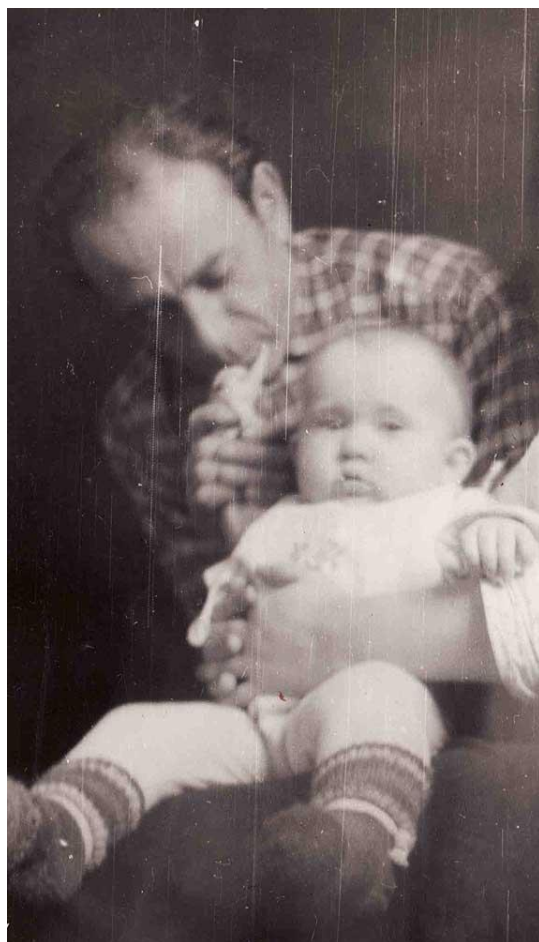
Запомнился мне Ефим в один из визитов к племянникам (Вадим, я и наши дочери). Пришёл он к нам после ночного беспокойного дежурства, уйдя с работы, отстоял очередь за ледяной рыбой (дефицит в эпоху застоя и пустых магазинов!), отвёз покупку дочери, сидящей дома с новорожденным ребёнком, и, наконец, приехал к нам. После скромного и безалкогольного обеда (интеллигентно пообедали, по мнению дядюшки), увидев мою гитару, попросил меня ему аккомпанировать. С большим энтузиазмом спел свою любимую песню: «Шаланды, полные кефали...», я ему подпевала про друзей-танкистов, вступивших в бой с самураями «...у высоких берегов Амура». По песенному репертуару Ефима можно было проследить всю историю СССР. Когда же дело дошло до «Цыганочки» - лихо пустился в пляс... «Ядерный!» - так определила бы такой темперамент наша любимица Шурочка Чистякова, колхозница из Ярославской области.

Скромного и застенчивого Льва Ильича я не представляю себе громогласно поющего, скажем, «Смуглянку-молдаванку» или отплясывающего «Гопака». С другой стороны, «не вижу» Ефима завсегдаем зала Консерватории или вникающим в сложный поэтический мир О. Мандельштама...

Каждому - своё! Лев Ильич радовался жизнелюбию и оптимизму брата, Ефим Ильич гордился, что его любимый Лёвушка стал талантливым художником.

Для меня очевидным было человеческое качество, присущее обоим братьям: они были предельно ответственны за детей и внуков. Все мы переживали трагический момент в жизни Ефима Ильича. Его внучка младшего школьного возраста попала в аварию, у неё была раздроблена стопа, травматологи настаивали на срочной ампутации ноги. Ефим Ильич сумел добиться, чтобы его с девочкой срочно приняли на консультацию, а если возможно, и лечение в Институте Илизарова, находящегося в Кургане. Всё было сделано. Девочка была спасена от тяжёлой участи калеки.

Лев Ильич тоже проявил себя жертвенным отцом и дедом. В 1960 году мы с Вадимом оказались в очень затруднительном положении: ждали рождения ребёнка. Снять более или менее приемлемое жильё не удалось. Родители Вадима поселили нас у себя, на Первом Казачьем, где они жили в одной комнате с дочерью Валерией. Новорожденная дочка наша была из-за грыжи очень беспокойной, много плакала, а точнее - кричала, тяжело было особенно по ночам. Мы с Валентиной Ивановной по очереди носили Ольгу на руках, это иногда помогало, в шесть утра нас сменял Лев Ильич, выспаться-то никому не удавалось, Льву Ильичу надо было целый день работать. Месяцам к семи «плакательная» ситуация пошла на убыль. Внучка стала ходить по кровати, по-своему общаться - счастливее деда не было. Однажды утром я запечатлела жанровую сцену по горячим следам.

Лев Аронов с внучкой, начало 1960-х

«Оля - озорница
С дедушкой играет,
За нос его треплет,
Песни распевает.

Ну, пока, любимка!
Надо на работу:
Человек я взрослый,
У меня заботы.
Дед целует щёчки,
Носик, ручки, ножку -
И не наглядится
На родную крошку.

А потом -
Порядок только изменяется:
Лобик, ручки, ножки
Снова повторяются...»

Лев Аронов. Внучка Оля, 1970

С неизменной заботой и нежностью Лев Ильич относился и к внуку Коле, и к нашей младшей дочери - Жене.

Ярко запомнился мне день 1-го сентября 1970 года. Лев Ильич провожал Женю в первый класс. Пришёл он очень торжественный, с большим букетом цветов. Рядом с ним - Женя в белом переднике поверх формы и, как Женя утверждала, с белыми бантами в «форменных» косичках. Женя восприняла этот день менее торжественно, чем дедушка. На мой вопрос, как у неё прошёл первый день в школе, ответила, припрыгивая на одной ноге по комнате: «Значит так: горячая котлета и тёплый чай с булкой...».

Внучки отвечали дедушке взаимной привязанностью и любовью. У меня сохранилось одно письмо десятилетней Оли, оно начинается с обращения: «Миленький деда!». Не обычное - «Дорогой...» или

«Здравствуй...», а по-детски искренне и нежно. Далее перечисляются события: с папой ходили на выставку «Удивительное в камне», папа записал, куда можно поехать за камнями, поедем все вместе в заброшенные карьеры... Есть и такое сообщение: «Мы с Женькой накопили уже 1 руб. 26 коп. Покупаем открытки».

Открытки покупали самостоятельно в ближайшем книжном магазине, предпочитали наборы с репродукциями одного художника: Ге, Крамского и других. Потом дедушке демонстрировали свои «сокровища», беседовали по их поводу. Лев Ильич относился с большой симпатией не только к своим детям и внучатам. Неслучайно в его наследии много портретов детей. Меня особенно трогают образы детей Калмыкии. С их трагической судьбой я познакомилась в 1953 году на севере Красноярского края, где жили в ссылке и мои родители.

Интересной для Льва Ильича была встреча с детьми Туниса. Во время туристической поездки он посетил детскую художественную школу. С юными художниками он общался как с единомышленниками по профессии. Дети подарили ему свои акварельные рисунки, разнообразные по тематике и манере исполнения. Эти рисунки бережно хранит Женя в Санкт-Петербурге.

Одним из родников, питающих лирический настрой творчества Льва Ильича, как мне представляется, была поэзия. Он любил и классическую русскую лирику, и зарубежных авторов в переводах Б. Пастернака, С. Маршака и В. Левика. С Левицом его связывали дружеские отношения, их объединяло единство эстетических вкусов и личная симпатия.

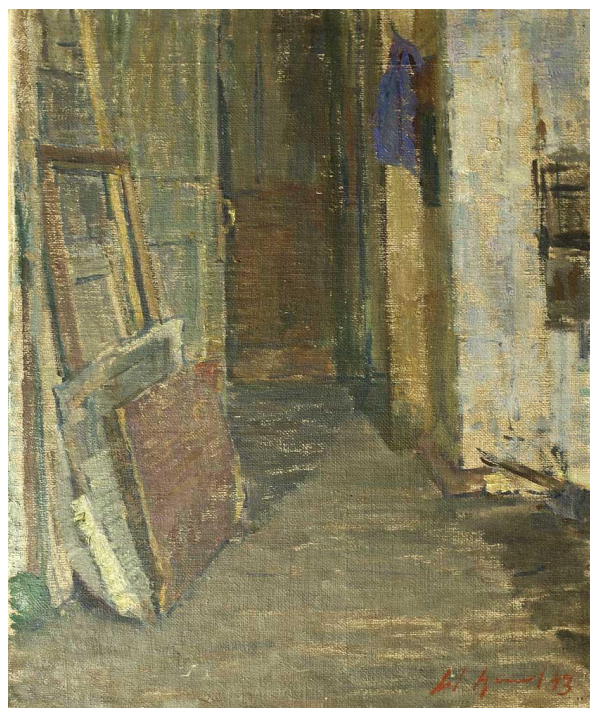
Лев Аронов - отражение в зеркале

Лев Ильич знакомил нас с любимыми стихами Роберта Бёрнса, сонетами Шекспира, песнями Беранже - всего не перечислить ... Одно прочтение глубоко запало в душу. Лев Ильич пришёл к нам в день рождения Вадима (это было в 70-м или в 71-ом году), обычно встречи наши начинались с обмена шутками, в этот раз Лев Ильич был необычно серьёзен. Попросил меня оторваться от кухонных забот, пригласил внучек сесть рядом с ним, достал из кармана пиджака листок и начал читать. Листок этот мы с Вадимом сохранили, он сейчас передо мной, а в памяти - взволнованный голос Льва Ильича.

ЕСЛИ...(Перевод С.МАРШАКА)

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушенье, можешь снова -
Без прежних сил - возобновить свой труд,

Лев Аронов. Интерьер на Казачьем, 1943

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: “Держись!” -

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, -
Земля - твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты - человек!

Многие строчки можно отнести и к самому Льву Ильичу: «Не будешь злобен, став для всех мишенью...». Это было нравственное завещание Льва Ильича сыну и внукам. Умер Лев Ильич скоропостижно жаркой, удушливой от горящих вокруг Москвы торфяников, июльской ночью 1972 года. Рядом с ним лежал раскрытый томик стихов А.С. Пушкина.

Н. Аронова

Опубликовано на сайте aronov-art.ru в 2009 году